

The Role of Nationalities in Dagestan: A Perspective from the Cognitive Turn in Constructivist Ethnicity Studies

---

Evgeni A. Varshaver

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russia.
Email: varshavere[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Received: 26 February 2025 | Revised: 15 June 2025 | Accepted: 20 June 2025

Abstract

This article, situated within the framework of the cognitive turn in the social sciences, presents the findings of a study on the role of nationalities as both a social and cognitive classificatory framework in Dagestan. Conducted between July and August 2024, the study involved 100 biographical interviews across 31 locations throughout the republic. These interviews focused on so-called perceptual-communicative facts—either singular or recurring past events in which nationalities were referenced in communication or used to interpret events. A total of 1,104 perceptual-communicative facts, attributed to the period from the mid-1940s to the present, were extracted from the interviews and subsequently analyzed. The results indicate that nationalities structured perception and interactions in Dagestan and continue to do so today, although their influence has diminished in certain social environments. The study demonstrates how national categories are internalized, tested, and transmitted across generations and identifies the specific domains in which they operate. The persistence and reproduction of these categories are interpreted through a neo-functional lens, drawing on the sociology of mechanisms as developed by Jon Elster and Peter Hedström. By identifying the individual-level social and cognitive pragmatics of employing this classificatory framework in various interactions, the study proposes a model of ethnic dynamics at the intersection of sociology, cognitive science, and history. This work contributes to the literature on ethnicity in Dagestan, provides methodological tools for field research within the cognitive turn, and advances a broader theoretical explanation of ethnic processes.

Keywords

Ethnicity; Dagestan; Nationalities; Oral History; Cognitive Turn

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Роль национальностей в Дагестане: взгляд через призму когнитивного поворота в конструктивистских исследованиях этничности

Варшавер Евгений Александрович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
Москва, Россия. Email: [varshavere\[at\]gmail.com](mailto:varshavere[at]gmail.com)

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Рукопись получена: 26 февраля 2025 | Пересмотрена: 15 июня 2025 | Принята: 20 июня 2025

Аннотация

В этой статье, находящейся в русле когнитивного поворота в социальных науках, приводятся результаты исследования бытования национальностей в Дагестане как социальной и когнитивной категоризационной рамки. В ходе исследования, которое было проведено в июле-августе 2024 года, было проведено 100 биографических интервью в 31 локации по всей республике. В фокусе этих интервью были т.н. перцептивно-коммуникативные факты — разовые или воспроизводящиеся события прошлого, в ходе которых национальности упоминались в коммуникации или использовались для интерпретации событий. Всего из интервью было выделено 1104 перцептивно-коммуникативных факта, относящихся к периоду с середины 1940-х годов по настоящий момент и впоследствии проанализированных. Согласно результатам, на протяжении указанного периода национальности организовывали восприятие и взаимодействия в Дагестане и продолжают это делать до сих пор, хотя в отдельных средах роль национальностей в этом отношении снижается. Демонстрируется, как и в рамках каких взаимодействий национальная рамка осваивается дагестанцами, тестируется и транслируется следующим поколениям, указывается, в каких сферах жизни и как она функционировала и функционирует. Ее существование и воспроизводство объясняются в неофункционалистском ключе, через призму социологии механизмов Й. Эльстера и П. Хедстрема, посредством выявления индивидуальных — социальных и когнитивных — прагматик использования этой рамки в разного рода взаимодействиях. На этом основании — в общем виде — описывается модель этнической динамики на стыке социологии, когнитивистики и истории. Эта работа одновременно является вкладом в литературу, посвященную этничности в Дагестане, предлагает инструменты для полевой работы в рамках когнитивного поворота в социальных науках и выходит на общее объяснение этнических процессов.

Ключевые слова

этничность; Дагестан; национальности; устная история; когнитивный поворот

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Какую роль играют национальности в организации социальных отношений в Дагестане? Такая постановка вопроса возможна в рамках современных когнитивизированных конструктивистских исследований этничности, которые рассматривают этничность как прежде всего классификаторную реальность, «затвердевшую» в схемах восприятия, практиках и институтах. В основе этой реальности — коллективные представления о различиях между людьми: о том, на какие «типы» делятся люди, какими характеристиками обладает каждый из этих «типов», какие правила регулируют отношения между этими «типами» и многое другое. Для того чтобы эти представления могли регулировать отношения, они должны стать объектом веры и ключом к интерпретации реальности для участников этих отношений. Но как именно это происходит? Что именно эта рамка регулирует? Как ситуация — со временем — меняется? И почему изменения происходят? Эти вопросы являются ключевыми для современных конструктивистских исследований этничности.

Дагестан в этом отношении является одновременно исследованным и неисследованным случаем. Существует много работ, в том числе в конструктивистской парадигме, в фокусе которых находились советская национальная политика (Рамазанова, 2016; Гаджиев, 2008), постсоветская консоциональность¹ (Ware & Kisriev, 2001; Рамазанова, 2021; Hall, 2015), брачное поведение (Гаджиева, 1985; Гасанов & Абдуразакова, 2018; Варшавер et al., 2024a), состояние «межнациональных отношений» (Шахбанова, 2017; Абакаров, 2013) и вопросы индивидуальной идентификации жителей (Шахбанова, 2013, 2016). Однако исследований, в которых рассматривалось бы функционирование национальностей как категоризационной рамки во всей полноте и в разных сферах жизни — применительно к «дагестанским» национальностям, не проводилось. В мировой науке за редкими исключениями (Brubaker, 2018) такая постановка вопроса также не встречается: несмотря на то что конструктивизм является «здоровым смыслом» современной западной академии, в социальных науках — в каждом отдельном исследовании — изучаются обычно более частные вопросы, а механизмы интериоризации категорий и их смыслов обычно «отдаются на откуп» психологам детства (Grieshaber & Gaile, 2001; Umaña-Taylor et al., 2014).

В фокус данного исследования — в соответствии с установками когнитивного поворота (Brubaker et al., 2004; Варшавер, 2024a, 2024b) — были помещены советские дагестанские национальности² как классификаторная рамка, введенная в административный оборот советской властью в 1920-х гг.,

1 Политологический концепт, описывающий ситуации, в рамках которых политические институты в своей организации учитывают этническое разнообразие. Классические примеры консоциональности на уровне государств — это Швейцария и Ливан; упомянутые же исследования, которые фокусировались на Дагестане, обладали новизной в связи с тем, что дагестанский случай был случаем консоциональности на уровне одного региона страны.

но с тех пор во многом ставшая «естественной» реальностью для дагестанцев и ключевым инструментом интерпретации разнообразия. Такая ситуация — при том, что дагестанские национальности многочисленны и рядоположены друг другу — делает дагестанский случай во многом модельным и важным для понимания того, как этничность как классификаторная реальность воспроизводится в восприятиях, представлениях и институтах. Методологически же, в той мере, в какой любое явление социальной реальности существует, пока оно коммуницируется и используется для интерпретации, было решено сфокусироваться на том, как национальные категории — на протяжении жизни информантов — возникали в их жизненном мире: в качестве элемента внешней реальности или внутренней реакции на те или иные события.

В этой связи был концептуализирован т.н. перцептивно-коммуникативный факт (ПК-факт) — событие или генерализация, относящиеся к конкретному времени и месту, в рамках которых национальности фигурировали в качестве категорий в разговорах, письменных инструкциях, «внутреннем нарративе», схемах интерпретации и других формах коммуникации и восприятия. Именно ПК-факты стали элементарной единицей собираемых данных. ПК-факты выделялись из глубинных биографических полуструктурированных интервью. Гайд интервью предполагал постепенное прохождение по биографии информанта, в ходе которого — применительно к каждому биографическому этапу — задавались вопросы о том, как и в каком контексте упоминались и обсуждались национальности в тех кругах и ситуациях, в которых оказывался человек, насколько сам информант «считывал» ситуацию через их призму, а также насколько они становились основой для формальной или неформальной нормативности. Всего было собрано 100 интервью в разных городах и сельских районах республики в соответствии со специально заданными квотами, из них — в специально созданный кейсбук — было выделено 1104 ПК-факта. Самый ранний ПК-факт датирован 1943 годом, однако большая их часть приходится на период с 1980-х гг. по настоящее время. Эти ПК-факты послужили основой для реконструкции роли национальностей в перцептивной, коммуникативной и институциональной реальности Дагестана последних десятилетий или, иными словами, для ответа на вопрос о роли национальностей в республике, поставленный через призму когнитивного поворота в социальных науках.

---

2 Следует прояснить соотношение терминов «этничность» и «национальность», в том значении, в каком они используются в данной статье. Согласно традиции, к которой относит себя автор, этничность определяется как «организация культурных различий, основанная на категориях, членство в которых преимущественно наследуется» (Варшавер, 2024а, 2024б), и, таким образом, в разных контекстах этническими категориями будут разные наборы категорий, описывающие межпоколенные различия между людьми. На постсоветском пространстве ключевыми этническими категориями являются концептуализированные и внедренные в рамках советской национальной политики «национальности». Именно этой классификаторной рамке и посвящено данное исследование, в теоретическом смысле являющееся исследованием этничности в Дагестане.

В тексте ниже сначала будет описан теоретический контекст исследования, затем — реконструирована лакуна в международных исследованиях и исследованиях, посвященных Дагестану, которую закрывает это исследование, затем — приведены результаты исследования, в рамках которых показывается, в каких типичных ситуациях национальности возникают в коммуникациях и перцепциях и как они регулируют поведение, затем — в неофункционалистской логике — дается ответ на вопрос о том, почему эта реальность в Дагестане воспроизводится, а также как и почему она меняется, и делается набросок теории этнической динамики.

Когнитивный поворот в исследованиях этничности

Когнитивный поворот находится в общем контексте изменений, происходящих в социальных науках с 1960-х годов XX века. Хотя говорить о когнитивном повороте как о едином наборе идей, текстов и фамилий неверно, можно выделить две значимые версии в его рамках. Первая версия связана с социологическими исследованиями культуры в широком смысле и, в частности, с работами Э. Свидлер (Swidler, 1986) и П. ДиМаджио (DiMaggio, 1997). Основной инновацией и «брендом» этой версии когнитивного поворота является идея, согласно которой культура — это не когерентное множество представлений, приобретаемых в ходе ранней социализации и затем реализующихся через действия и биографии людей на протяжении их жизни, а «набор инструментов» или даже «мешок со всякой всячиной», то есть совокупность слабо связанных друг с другом концептов, когнитивных схем и образов действия, внешних по отношению к человеку, из которого — под требования задачи или контекста — человек всякий раз пересоздает свои представления и поведение. В рамках этой версии — внимательной к общественным ритуалам — также уделяется внимание эмоциям и их обобществлению (Peterson, 2006; Куракин, 2023). Вторая версия связана в первую очередь с работами Э. Зерубавеля (Zerubavel, 1999), С. Московичи (Moscovici, 1982, 1988) и Т. ван Дейка (Van Dijk, 1990, 2017), в той или иной форме пытавшихся наладить концептуальную связь между когнитивной психологией и социологией и описать, как коллективные представления становятся индивидуальными, спонтанными способами восприятия и наоборот. Из перечисленных исследователей, однако, только ван Дейк использовал эти наработки применительно к «этническому» материалу (Van Dijk, 2018, 2019).

До исследований этничности когнитивный поворот дошел только в середине 2000-х — в связи со статьей Р. Брубекера (Brubaker et al., 2004), который, сделав обзор основных работ в области когнитивного поворота (обеих его версий), во-первых, предложил применить их к исследованиям этничности, во-вторых, указал на то, что когнитивный поворот в исследованиях этничности фактически уже происходит и конструктивистская парадигма уже вбирает в себя многое из того, что провозглашается в рамках когнитивного поворота.

Среди принципов когнитивного поворота, описанных Брубекером, выделяются: (1) антигруппизм и фокус, с одной стороны, на этнических категориях и их социальных смыслах, с другой — на самом процессе категоризирования; (2) внимание к тому, как категории организуют восприятие и поведение простых людей; (3) включение в аппарат социальных наук об этничности терминов и методологий когнитивных наук. Своего рода лозунгом когнитивного поворота в исследованиях этничности, связанного с именем Брубекера, стала идея, что этничность — это не вещь в мире, а взгляд на мир.

Современные исследования этничности, однако, лишь в небольшой степени восприняли предложенную программу. Интерпретацией брубекеринского синтеза стала работа Варшавера (Варшавер, 2024а, 2024b), в которой было продемонстрировано, как подход Брубекера может быть реализован в рамках эмпирических исследований, а также предложен полноценный теоретический язык, заточенный под эту задачу. В рамках этой программы в последнее время был реализован ряд исследований (Варшавер et al., 2024а, 2024b, 2024с), и исследование, на основании которого написана эта статья, помимо содержательных результатов, ставило своей целью обратить разработанные теоретико-методологические ходы на недавнее прошлое и тем самым показать, как когнитивный поворот может быть реализован в исследованиях на стыке социологии и истории.

Контекст

Дагестан, историческая область, а также республика сначала в составе РСФСР, а затем и РФ, является полезным контекстом исследования для большинства вопросов в рамках когнитивного поворота в исследованиях этничности. Дагестан брендирует себя как многонациональная республика, в которой в мире и согласии проживает множество народов; для когнитивизированных конструктивистских исследований интереснее скорее то, что существующее домодерное культурное разнообразие не было топорно унифицировано, а — напротив — в рамках советской национальной политики 1920-х гг. получило институциональное воплощение (Рамазанова, 2016), результатом чего, среди прочего, и стал упомянутый «бренд». Конкретнее, советская власть сначала выделила в республике порядка 40 официальных национальностей (самыми многочисленными из которых — в алфавитном порядке — были аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы и лезгины), затем объединила некоторые из них, в результате чего после войны их количество колебалось между 10 и 15. В постсоветский период, однако, их количество вернулось к раннесоветскому (Тишков & Кисриев, 2007; Варшавер, 2022).

Эти пертурбации отражены в большом количестве прежде всего исторических исследований, посвященных национальной политике на разных ее этапах (Карпов, 2017; Каймаразова & Каймаразов, 2018; Белый, 2016) и — в меньшей степени — исследований социологических. Последние выпол-

няются преимущественно в количественной методологии и посвящены тому, что можно обозначить как «состояние межэтнических отношений» (Шахбанова, 2017; Абакаров, 2013) в республике, а также вопросам идентификации ее жителей между национальностями и российской идентичностью (Шахбанова, 2013, 2016). Проводятся исследования и на другие темы, и, в частности, на рубеже 1990-х — 2000-х гг. появилась серия работ, посвященных институтам консоциальности (Ware & Kisriev, 2001; Hall, 2015), обеспечивающим стабильность в ситуации большой этнической фрагментированности и, в частности, Государственному совету (Ланда, 2016; Адиев & Курбанов, 2016), в который избирались представители национальностей. Есть, кроме того, и исследования, посвященные этническим конфликтам (Адиев, 2011; Буттаева, 2012; Варшавер, 2014). Некоторые из этих работ, впрочем, находятся в большей степени на территории этнического активизма и отражают позиции отдельных групп участников конфликтов. Большая часть указанных исследований, однако, лишь частично основывается на конструктивистской эпистемологии, а исследования, которые бы учитывали положения когнитивного поворота, стали появляться только в последние годы (Варшавер et al., 2023; 2024a; 2024d; Варшавер, 2022). Вместе с тем именно в связи с вопросами, которые ставятся в рамках когнитивного поворота, изучение Дагестана как пространства перманентной категоризации «сверху» и «снизу» обладает большим потенциалом.

Важнейшим социальным процессом, который следует учитывать в исследованиях этничности в Дагестане, является миграция населения (Карпов & Капустина, 2011; Казенин, 2012). Переселение горского населения на равнину, в том числе осуществляемое административно, «каскадные» депортации военного времени с последующими обратными миграциями, а также — в последние десятилетия — массовая миграция за пределы Дагестана — все это создало контекст, в котором осуществлялась и осуществляется повседневная этническая категоризация. Очень условно, все современные контексты в Дагестане можно разделить на четыре типа — сельские моноэтнические, биэтнические и полиэтнические, а также городские полиэтнические. Моноэтнические сельские контексты — это села, в которых абсолютное большинство жителей принадлежат к одной официальной национальности; таких сел абсолютное большинство, они встречаются как в горах, так и на равнине. Биэтнические сельские контексты (одно село или два соседних села) в основном возникли в результате миграционных процессов — в результате концентрированного переселения из одного горного сельского района или как следствие возврата депортированных на территорию, где к тому времени проживали переселенцы с гор. Полиэтнические сельские контексты — это населенные пункты, в основном возникшие в XX веке, в которых в разных пропорциях представлены представители разных официальных национальностей. Таковыми, в целом, являются и большинство городов, однако механизмы возникновения полиэтничности в них различаются. Различаются контексты и в том, что касается знания и использования языков (Добрушина, 2007, 2011). До сих пор

в моноэтнических контекстах коммуникация между селянами происходит на соответствующем «национальном» языке; знание русского языка в таких контекстах варьируется. В биэтнических контекстах обычно знают свой и — в той или иной степени — другой «национальные» языки, а также русский язык, однако это связано в том числе с тем, что такие контексты зачастую равнинные, а на равнине проникновение русского языка выше. В полиэтничных контекстах (в особенности городских) в общении доминирует русский язык, однако присутствуют и «национальные» языки.

Различаются и индивидуальные пространственные и социальные траектории, в рамках которых дагестанцы перемещаются между указанными контекстами и которые важно обозначить в свете последующего изложения, базирующегося на биографическом материале. Большинство тех, кто родился в сельском контексте, проводят в нем детство, но затем — как минимум на некоторое время — оказываются в городских полиэтничных контекстах, что может быть сопряжено, например, с получением профессионального образования. Затем они или остаются «на равнине», или возвращаются в село. Родившиеся же в городе проводят большую часть жизни в городском полиэтничном контексте.

Методология

Дизайн исследования находится в русле социологических методов с вкраплениями методов устной истории. Если следовать принципам когнитивного поворота в конструктивистских исследованиях этничности, этничность — то есть значимые дифференциации — не существует вне коммуникации, а значит, есть два типа явлений, в которых она может проявлять себя. Во-первых, это собственно коммуникация в самом широком смысле этого слова — устная, письменная, вербальная, невербальная, институционализованная, неинституционализованная и проч. Во-вторых же, в той мере, в какой сообщение работает только в том случае, если оно кем-то воспринимается, более того, именно восприятие, а не коммуникация, конвертируется в поведение, важные явления второго типа, на которых фокусировалось внимание данного исследования, находились в перцептивной реальности и были актами восприятия. В результате был концептуализирован т. н. перцептивно-коммуникативный факт (ПК-факт) — в идеальном случае некоторое событие коммуникации или восприятия, в рамках которого национальные категории коммуницировались или воспринимались. Извлекались эти события из нарративов информантов, относившихся к недавнему (вчера или сегодня) или давнему (самый ранний факт датирован 1943 годом) прошлому. В ходе интервью эти события по возможности максимально детально восстанавливались (кто кому что сказал, как информант это воспринял) и атрибутировались определенному году и месту. За счет этого достигалась фактичность соответствующего события. Не всегда, однако, удава-

лось извлечь событие как конкретную сценку — иногда информанты сообщали, что подобного рода коммуникация регулярно происходила там-то и тогда-то, и тогда этот ПК-факт был классифицирован не как событие, а как обобщение. Таким образом, ПК-факт имеет два подтипа — ПК-событие и ПК-обобщение. ПК-факт являлся основной единицей данных в рамках исследования, и вокруг них был организован кейсбук — таблица Excel, содержащая все ПК-факты, «дистиллированные» в ходе исследования. Таких ПК-фактов к концу исследования в кейсбуке содержалось 1104. Каждое описание содержало резюме-описание самого ПК-факта, цитату из интервью, его содержащую, а также время и место, к которому он относится¹.

ПК-факты были «дистиллированы» из 100 глубинных биографических интервью, взятых в июле-августе 2024 года в Дагестане в ходе студенческой социологической экспедиции, проходившей под руководством автора статьи и в которой приняло участие 12 человек. Интервью были взяты в совокупности в 31 локации по всей республике по выборке, основой для которой были как тип локации (горы — предгорья — равнина — города, см. рисунок 1)², так и половозрастные, профессиональные и биографические характеристики информантов.

Интервью записывались на аудио и проходили два этапа транскрибирования. Во время экспедиции происходило автоматическое транскрибирование посредством искусственного интеллекта, по окончании экспедиции осуществлялось ручное транскрибирование. Таким образом, по результатам экспедиции были подготовлены как кейсбук, состоящий из ПК-фактов, так и полный массив интервью. Анализ осуществлялся посредством тотального чтения и тематического кодирования кейсбука. Результаты анализа представлены в следующем разделе. Первая его часть организована вокруг типичных этапов жизненного пути: раннего детства, школьных лет, а также ранней юности, сопряженной с «выходом в люди». Вторая его часть касается разных сфер жизни, в которых этничность манифестирует себя: работы, браков и свадеб, а также политики. В третьей его части описываются индивидуальные случаи большей и меньшей релевантности национальностей как способа «считывания» окружающей действительности, а также перцептивно-коммуника-

1 Вот выдержка из кейсбука, которая позволяет лучше объяснить, что такое ПК-факт:

Описание ПК-факта: «Информантка понимала, кто по национальности ее коллеги, по языку, на котором коллеги разговаривали».

Цитата: «Интервьюер: А как вы узнавали, что вы это там даргинцы, лачки? Информант: Они некоторые, вот когда приходили на завод, друг другу говорили "здравствуйте" на своём языке. А я говорю: "Теперь и на лакском начали вы говорить". Они смеялись. Интервьюер: Вы узнавали, получается, по языку, да, кто они? Информант: Да».

Место и время: между 1967 и 1971 годом, Манаскент, винный завод.

2 Список локаций: города Хасавюрт (2 интервью), Махачкала (30), Кизилюрт (2), Каспийск (1), Избербаш (2), Дербент (2), Буйнакск (2); села Эдиге (2), Шава (2), Хаджалмахи (2), Учкент (2), Тпиг (4), Тлох (4), Тарумовка (2), Согратль (4), Новососитли (2), Новолакское (2), Новокаре (2), Мегеб (4), Манаскент (2), Мамедкала (2), Маджалис (2), Леваша (2), Кошкент (4), Коркмаскала (2), Кая (2), Калининаул (2), Кадар (2), Губден (2), Берикей (2), Анди (3).

тивная реальность вне Дагестана. Эти результаты касаются — в большей или меньшей степени — всего изученного периода.

Рисунок 1. Локации интервью

Picture 1. Locations of interviews

Результаты

Поскольку социальные категоризации зачастую образуют описание мира «с точки зрения здравого смысла», взаимодействия, посредством которых эти категории были интериоризированы, зачастую располагаются вне фокуса внимания людей и недоступны их воспоминаниям. Это оказалось так для части информантов, однако другая – значительная – их часть смогла воспроизвести воспоминания, связанные с разными периодами жизни, и, в том числе, с ранним детством.

В раннем детстве

Как следует из описания контекста, дагестанцы могли родиться в разнообразных этнических и языковых условиях, и обычно первый опыт воспринимаемого разнообразия, который вызывал вопросы у детей, — это опыт другого языка. В селах, где единственным языком общения является один из дагестанских языков, триггером такого опыта могли быть разного рода внешние по отношению к сельскому сообществу люди — торговцы или школьные учителя. В городских контекстах таковыми могли быть родственники, приезжающие к соседям. Другими — воспроизводящимися — ситуациями «встречи» с языковым разнообразием были разного рода поездки — с родителями на близлежащие рынки или с командой на соревнования в один из городов. В типичном случае происходило следующее: ребенок слышал незнакомый язык и просил значимого взрослого (зачастую родителя) объяснить, что это значит. Значимый взрослый в ответ транслировал некоторые элементы описания реальности через национальную рамку, согласно которой в Дагестане живут народы, говорящие на разных языках и различающиеся культурой, но живущие в согласии. Иногда, впрочем, могло быть наоборот, и ребенок сначала слышал, как взрослые употребляли в разговоре названия национальностей или даже осуществляли категоризацию на их основании, и вопросы вызывало это. Несколько раз описывалась ситуация, когда взрослые рядом с детьми «угадывали» национальность политиков или артистов, выступающих по телевидению или по радио. В ответ на вопрос ребенка — о чем идет речь и как у взрослого получается угадывать — взрослый также транслировал ему общее описание конструкции этничности той или иной детализированности, но с фокусом на индикаторах, которые позволяют определить, какой национальности человек. Применительно к описываемой ситуации речь идет о типичных языковых маркерах — акценте в русском языке, который «выдает» в говорящем то, что его родным языком является один из дагестанских, или же о самом этом языке, «угадать» который может значительная часть иноязычных дагестанцев (однако не все, и эта способность связана с фактической «наслушанностью» этими языками). При том, что язык оказывается абсолютно доминирующим триггером того, что ребенок впервые обратил внимание на разнообразие, во многих ситуациях язык как минимум шел «в пакете» с другими бросающимися в глаза формами культурной инаковости. Таковыми, скажем, могли быть элементы одежды. Так, в одном из сел Цумадинского района в начале 1970-х гг. дети удивлялись тому, что базировавшиеся рядом с селом геологи носили шорты, при том что в селе все мужчины носили длинные штаны.

Взрослые, однако, все-таки редко транслировали именно систематическую картину, в которой перечислялись бы национальности; более того, ребенок присутствовал при многочисленных разговорах и фактически осуществляемых категоризациях, использовавшихся в конкретном контексте,

в результате чего за конкретными людьми «закреплялся» тот или иной категориальный лейбл, однако сами же эти лейблы еще не были для детей частью большей классификаторной системы. Такая ситуация типична для большинства равнинных сельских контекстов (гораздо чаще в той или иной степени полиэтничных в сравнении с горными), в которых дети знают названия национальностей людей, живущих в селе, знают, кто к какой национальности принадлежит (а скорее — тех, кто принадлежит к «необычным» для села национальностям) и чем представители некоторых национальностей особенны, но еще не знают, что именно — помимо обозначения конкретных людей — эти категории значат. Скажем, для ребенка из горного Гунибского района, который значительную часть времени в конце 1960-х гг. проводил на кутане своего села, категория «корейцы» (звучавшая на аварском языке, на котором общался он и вокруг него) обозначала конкретных людей, которые появлялись в окрестностях кутана в начале летнего сезона, возделывали арбузы, а по окончании сезона куда-то исчезали. Национальностью, рядоположенной другим национальностям (в том числе «аварцам», к которым он номинально принадлежал), «корейцы» для него, по сути, не были. От случая к случаю, кроме того, воспроизводилась ситуация, в ходе которой национальности в том или ином виде сообщались сельским детям другими селянами на годекане — в центре сельской жизни. Скажем, в одном из сел Кулинского района в середине 1960-х гг. старшие сообщали детям, что раньше их село — среди всех лакских сел — по учености не уступало Кумуху, признанному локальному центру. Помимо этого, если сами дети в этом возрасте еще не сталкивались с национальностями на уровне официальных документов, в отношении них эта категоризация уже велась — например, в детском саду могла учитываться их национальная принадлежность, создаваться списки групп с упоминанием национальностей и проч., и эта информация могла циркулировать в фоновом для детей режиме.

В целом, таким образом, до 7–8 лет большинство дагестанцев, во-первых, получает некоторый опыт реального культурного, прежде всего языкового, разнообразия, во-вторых, присутствует при разговорах, в которых используются национальные категории (в целом и применительно к конкретным людям), и даже при фактическом категоризировании, в-третьих, зачастую имеет в опыте разговор со значимым взрослым, который так или иначе интерпретирует для него разнообразие. С этим «багажом» ребенок оказывается в школе, где ему сообщается более систематическая картина, описывающая культурное разнообразие через призму национальностей.

В школе

В школе — прежде всего в средней — в рамках разных предметов и на разных уроках транслируется официальная конструкция этничности, в рамках которой, если обобщить, в Дагестане живут разные народы, близкие друг другу, связанные отношениями дружбы и говорящие между собой

на русском языке, но одновременно имеющие каждый свой язык и свои культурные особенности. Эти народы на уроках и в соответствующих учебных материалах называются, и им — помимо языка — атрибутируются различные элементы материальной и нематериальной культуры: одежда, занятия, фольклор и проч. Там же сообщается, что каждый народ проживает на своих территориях и в своих районах Дагестана, говорится об известных людях — представителях народов, а кроме того, детализируется, как именно проявляется дружба народов (от куначества до борьбы плечом к плечу против немецко-фашистских захватчиков). В результате знание о национальностях-народах и их атрибутах и отношениях между ними, полученное из авторитетного источника, откуда получается и иное общее знание о мире, вместе с последним складывается в фоновую, непроблематичную картину мира.

В школе «этническая» часть этой картины, кроме того, получает поддержку со стороны двух типичных, воспроизводящихся интеракций. Во-первых, в рамках описанных уроков или в рамках школьных праздников проводятся «фестивали» национальностей, на которых школьники надевают «национальные» костюмы, читают стихи, поют песни и/или демонстрируют прочие атрибуты народов. В случае если в классе или школе есть номинальные представители тех или иных национальностей, им вменяется «представлять» соответствующие культуры, но обычно (в особенности если речь идет о горном селе) национальностей в классе бывает «не комплект», и в результате между школьниками одной национальности «распределяются роли», и на мероприятии они представляют другие национальности.

Однако параллельно и школа как институция может собирать информацию о национальной принадлежности школьников, формируя соответствующие списки, и учителя могут по собственной инициативе узнавать и обсуждать ее со школьниками, и сами школьники могут — в разных формах — обсуждать это между собой. Особой формой коммуникации между школьниками на эту тему являются анкеты — тетради, в которых одноклассники отвечают на вопросы по списку (имя, фамилия, любимый цвет, любимый писатель и проч.), и одним из вопросов может быть вопрос о национальности. Такая тетрадь, например, ходила по классу школы в одном из сел Сулейман-Стальского района в 1985 г. Подобная коммуникация, однако, является типичной прежде всего для полиэтничных — городских и равнинных — контекстов, и часто именно из этой коммуникации школьники узнают национальную принадлежность друг друга, в результате чего национальная рамка «опускается» на их ближайший круг. В таких контекстах, кроме того, воспроизводится ситуация, связанная с распределением школьников по группам на предмете «родной язык». В целом это распределение происходит на основании номинальной национальности: школьники знают, кто оказался определен в какую группу, обсуждают это, и в том числе и так информация о национальной принадлежности их одноклассников «устаканивается» в их головах.

Воспроизводятся и прочие ситуации, когда национальность коммуницируется в школах — например, новичков учителя могут представлять классу по национальности. Вокруг этого времени, кроме того, молодые дагестанцы получают первые документы (или знакомятся с уже имеющимися), в которых указывалась и в некоторых случаях до сих пор указывается национальность как их самих, так и их родителей. К таковым относятся свидетельство о рождении, паспорт гражданина, военный билет и др. И в целом именно так, за счет разнообразия интеракций формального и неформального характера, которые консистентно воспроизводят официальную конструкцию этничности, эта конструкция закрепляется в представлениях и восприятиях дагестанцев еще в школе.

Довольно рано, однако, эта конструкция может начать «ломаться» и проблематизироваться — когда выясняется, например, что сосед свободно говорит на «национальном» языке локации проживания, но при этом является представителем другой национальности, однако зачастую такая проблематичная информация объясняется и вписывается в общую конструкцию. В смысле интериоризации конструкции этничности, впрочем, отличаются моноэтничные и полиэтничные контексты. У людей, социализированных в полиэтничных контекстах (и в особенности в городах), связывание официальной конструкции этничности и конкретных людей вокруг происходит относительно плавно и естественно. У людей же, которые росли в моноэтничных контекстах (в особенности в горных селах), в опыте представителей других национальностей до окончания школы было мало, отчего связать категории и людей им, в целом, еще только предстоит.

«В людях»

И для таких школьников из негородских контекстов это происходит на следующем этапе их жизни, когда значительной их части как минимум на время приходится уехать из родного села — на учебу в вуз или техникум (но также в армию и на работу, о чем позже), что значит оказаться не просто в полиэтничном контексте, но в контексте, где все активно знакомятся, то есть каким-то образом представляются и категоризируют других. И из контекста в контекст и из описания в описание воспроизводится конструкция, в рамках которой национальность оказывается в «базовом наборе» информации, которую сообщают при знакомстве о себе и выясняют о другом человеке. Конкретные формы такого знакомства могут варьироваться: в одних случаях такая информация сообщается людьми при знакомстве сразу, в других — ритуал знакомства предполагает вопрос-ответ, в котором обычно спрашивают «нацию», в третьих — эта информация узнается в течение первых дней и недель после знакомства по косвенным признакам (акцент, место рождения) или уточняется на их основании. Более того, иногда спросить прямо о национальности считается неприличным поведением, а иногда, наоборот, в этом не обнаруживается ничего зазорного. Нормативность вопроса

о национальности, кроме того, может быть связана с гендером — в некоторых контекстах не приветствовались ситуации, когда вопрос о национальности задавался парнем при знакомстве с девушкой, при том что между парнями это не возбранялось, а кроме того, по всей видимости, между девушками вопросы национальностей обсуждались меньше, чем между парнями. Важно, кроме того, что вопрос о национальности зачастую шел и идет в связке с районом и/или селом, и это позволяет сформулировать определенные гипотезы об аллокационной функции национальностей (об этом будет сказано в дискуссии). В целом, однако, в большинстве случаев довольно быстро если говорить о вузах и училищах, студенты узнавали национальность друг друга. Это, кроме того, могло проходить и в чуть более институционализированном ключе. Рассказывается, что в ходе одного из первых занятий в ДПГУ в 1975 г. — студентами — по аудитории был пущен лист, в котором они писали свои имя, фамилию и национальность. Параллельно с этим такая информация собиралась самими вузами, в том числе если речь шла о педагогических вузах, в целях распределения будущих школьных учителей национальных языков по соответствующим занятиям. В целом же национальность входит в «базовый комплект» информации о человеке, который сообщается, выясняется или иным образом раскрывается на первых этапах знакомства. И, будучи собранная, эта информация сразу же начинает использоваться в рамках разного рода когнитивных и коммуникативных операций.

Прежде всего она используется для выбора языка общения в разных социальных ситуациях. В случае если в коммуникации принимают участие все представители той или иной национальности, по умолчанию будет считаться, что они владеют языком этой национальности, и высока вероятность перехода на этот язык в происходящей коммуникации. Но одновременно распространенной в полиэтничных контекстах является норма вежливости, согласно которой в присутствии представителей других национальностей говорить на родном дагестанском языке между собой нельзя. Таким образом, информация о национальностях регулирует языковой режим ситуаций. Другим распространенным вариантом ее использования являются этнические шутки, организованные вокруг довольно шарнирных стереотипов о национальностях. Каждая из «основных» национальностей сопряжена с определенным образом (аварцы «глупые», «прямолинейные» и «смелые»; даргинцы «богатые» и «скаредные»; лакцы «умные» и «хитрые»; кумыки «слабые» и «цивилизованные» и т.д.)¹, который затем используется в шуточной коммуникации, широко распространенной в полиэтничных контекстах. «Сценарии» такой шуточной коммуникации могут быть разными; в общем случае, однако, они связывают действие или поведение конкретного человека со стереотипом в отношении этнической категории. При этом далеко не обязательно, чтобы тот человек, поведение которого обсуждается, был представителем соответ-

1 Данные стереотипы приводятся в том виде, в каком они встречались в интервью. Представляется важным оставить их в исходной форме в качестве научного факта.

ствующей категории: достаточно, если человек, например, не хочет оставить в кафе чаевые, спросить, нет ли у него в роду даргинцев, и эта коммуникация уже будет относиться к этническому подшучиванию, тем самым воспроизводя и сами стереотипы, и нормативность прочитывания ситуаций через призму национальностей.

Но верят ли дагестанцы в эти стереотипы? Период «выхода в мир» после школы является временем, когда конструкция этничности тестируется в качестве когнитивной рамки, и этот вопрос разрешается в том числе на индивидуальном уровне. И хотя общая конструкция этничности могла давать единичные сбои и раньше (например, как говорилось, кумыкоязычный человек, который, по общему правилу, должен быть кумыком, мог оказаться даргинцем), в этот период речь идет о том, насколько до того существовавшая преимущественно в качестве абстракции картина может быть использована для выстраивания реальных отношений с людьми. Тем более что у каждого человека, проводящего много времени в полиэтничном контексте, в котором он знает национальности окружающих, постепенно накапливается довольно большой объем квазистатистических данных, который позволяет, в некотором смысле, тестировать гипотезы о реальной связи между национальностью и поведением. И — при том, что дагестанцы в целом считают, что речь идет именно что о стереотипах — в случае если поведение их знакомых, национальность которых известна, соответствует стереотипу о национальности, это обычно подмечается и ложится «в копилку» фактов о мире, и из этого часто делается вывод, что хотя не все представители соответствующих национальностей обладают соответствующими чертами, «что-то правдивое» в этих стереотипах содержится. В результате дагестанские национальности среди прочего существуют в качестве слабой статистической прогностической модели — полагаться только на нее в важных решениях дагестанцы не будут, однако и не отказываются от нее полностью. Такое квази-статистическое тестирование происходит в первую очередь как раз в первые годы после «выхода в большой мир» в связи с тем, что именно тогда дагестанцы чаще всего вторично социализируются в полиэтничных контекстах и «опрокидывают» на реальных людей то, чему их научили в школе. К этим практикам присоединяются и их социализированные в городе товарищи, для которых контекст вуза или техникума также оказывается контекстом, где происходит знакомство, отчего в эту социальную игру оказывается вовлечена значительная часть Дагестана.

В определении национальностей действительно есть элемент игры. Часто описывается, что на улице, в транспорте и других публичных контекстах незнакомые люди могут подойти и предположить — по языку, акценту в русском языке, внешности и другим признакам — какой человек по национальности, проверяя спонтанно возникшую в их голове гипотезу, при том что обычно это не несет сиюминутной практической выгоды, и такие практики действительно напоминают нечто среднее между азартной игрой

и светской беседой. Одновременно с этим, однако, именно в контексте учебы в профессиональных учебных заведениях у дагестанцев почти впервые (на школьном уровне этого скорее не происходит) возникает идея, что национальность может быть основанием для предпочтений и дискриминации. В результате студенты довольно быстро выясняют, кто из преподавателей какой национальности, и это становится основанием для определенных действий — например, если студент той же национальности и знает свой родной язык, он может поговорить с преподавателем на этом языке и за счет этого начать рассчитывать на получение неформальной поддержки в ходе учебы, при том что далеко не всегда эта поддержка действительно следует. О некоторых преподавателях, кроме того, могут ходить слухи, что они «националисты» и представителям не своей национальности ставят худшие оценки. Опять же, вне зависимости от того — правда это или нет — такие представления также воспроизводятся в ходе вторичной социализации в «большом» Дагестане в студенчестве.

В целом же в той мере, в какой человек вливается в те или иные полиэтничные контексты, в которые одновременно с ним вливаются и другие дагестанцы, и в связи с тем, что в этих контекстах фигурируют национальности, к молодому взрослому возрасту люди оказываются вполне квалифицированными потребителями и одновременно производителями национальной рамки — они знают дагестанские национальности, их свойства, желательные отношения между ними (дружба) и нормы поведения в контексте представителей других национальностей (говорить по-русски), умеют определять национальность человека по разнообразным признакам, для них эта информация является элементом базовой информации про человека и т.д. С этим багажом они входят во взрослую жизнь. Некоторая часть недавних студентов возвращается в свои сельские контексты и становится агентами трансляции национальной рамки детям, в том числе в качестве школьных учителей. Преподавать школьникам дагестанские национальности они будут по тем же лекалам, по которым это когда-то преподавалось им, но с вкраплениями их «равнинного» опыта. Косвенным образом, кроме того, они будут транслировать национальную рамку тем людям, которые выезжали из села на более короткое время или не выезжали оттуда вообще. Но значительная часть бывших селян, а также абсолютное большинство горожан, закончив учебное заведение (а иногда и раньше), остается в разнообразных полиэтничных контекстах, в которых национальности продолжают использоваться для категоризации и осмысления окружающей действительности. И если далее двигаться по биографической прямой — при том, что соответствующие события могут не произойти или произойти раньше — ниже будет продемонстрировано как национальности функционируют применительно к брачному поведению, трудовым отношениям и политической сфере.

В браке и на свадьбе

Национальности в контексте брачных установок и поведения упоминаются довольно часто, но на поверку оказывается, что лишь в части случаев речь идет именно о них, и чаще речь идет об установке (обычно родителей применительно к детям) жениться «на своих», при этом под «своими» обычно подразумеваются односельчане или люди, происходящие из тех же сел, из которых «происходит» семья говорящего. В некоторых ситуациях, однако, эта установка «разбивается» о фактическую невозможность таких браков. Такое может быть в тех случаях, когда в семье нет представления, что она происходит из какого-то конкретного села, если село совсем маленькое или если оно уже не существует. В этом случае в рамках партикуляристских установок для ограничения множества потенциальных партнеров обычно используются именно национальности, и эксплицитно говорится, что брак возможен только с представителями «своей» национальности. Более того, такие установки могут комбинировать в себе сельское ограничение и ограничение по национальности и звучать примерно следующим образом: «если не удастся жениться на односельчанке/выйти замуж за односельчанина, пусть тогда будущий супруг/супруга будет представителем той же национальности». Касается это и русских, для которых, однако, вербализуемая установка жениться или выйти замуж за русского/русскую часто будет фактически означать жениться/выйти замуж не за представителя/представительницу одной из дагестанских национальностей. Кроме того, как бы внутри себя установки ни были устроены (и как бы ни различалось проговариваемое и подразумеваемое), национальности являются рамкой, которая используется при описании и обсуждении брачного поведения, а также потенциальных и реальных супружеских пар. Например, в преимущественно моноэтнических селах, как уже говорилось, одной из наиболее распространенных ситуаций появления в них чужаков являются браки, и «приведенная в село» жена, если она номинально относится к другой национальности, по этой национальности и будет определяться в разговорах, где она упоминается.

Параллельно с этим важным контекстом, в котором обсуждаются национальности, являются свадьбы. Дело в том, что именно свадебная ритуалистика является наиболее очевидным случаем инкорпорации различных элементов культуры прошлого в повседневность и одновременно — реально существующих культурных различий. Большинство дагестанцев, регулярно посещающих свадьбы родственников, хорошо знает ритуалистику, распространенную в своих родственных и соседских кругах, и в связи с этим любая отличающаяся обрядовость (идет ли речь о свадьбах соседей по полиэтничным локациям или друзей по учебному заведению) будет вызывать интерес, а сами различия — будут обсуждаться и объясняться через национальную призму. При этом в описание этих различий зачастую инкорпорируется признание того, что внутри одной национальности брачные обряды различаются, равно

как и того, что в разных национальностях они могут быть похожи, и это будет одной из типичных «поломок» базовой конструкции этничности, которая имеется в опыте у многих дагестанцев и которая рефлексивно осмысливается в дискурсе. Брачная ритуалистика, таким образом, в довольно парадоксальном и одновременно модельном для Дагестана ключе оказывается пространством одновременного воспроизводства и вернакулярной деконструкции категоризации по национальностям.

На работе

Иным образом устроена сфера труда — рабочие места, распределение по позициям и проч. Если говорить о полиэтничных контекстах, этничность на рабочих местах функционирует во многом аналогично тому, как это происходит в учебных заведениях, с той лишь разницей, что «знакомство» происходит не одновременно для всех, и чаще приходящий становится объектом интереса для уже сложившегося коллектива, равно как и сам он постепенно выясняет важную информацию о тех людях, с которыми работает. Снова в набор «базовых» данных о человеке входит его национальность. Более того, она зачастую учитывается и в кадровых отделах организаций, и, соответственно, как минимум руководство имеет к этой информации доступ. В результате, вследствие разнообразных интеракций, работники в целом знают национальность коллег. Как и в учебных заведениях, эта информация используется для выбора языка коммуникации, для подшучивания, но также — для интерпретации происходящего в коллективе и в профессиональной сфере в целом. Например, карьерные успехи и предпочтения при приеме на работу могут связываться с тем, что работники и руководители принадлежат к одной национальности. Или утверждается, что «со своими» руководитель устанавливает более неформальные отношения и предпочитает именно их брать в командировки. С определенными национальностями могут связываться и целые рабочие места. Скажем, среди работников нефтегазовой сферы 1970-х считалось, что «Дагнефть» является «аварской конторой». Однако на себе предпочтения или, наоборот, дискриминацию испытывали редкие информанты, и в целом точнее будет сказать, что такого рода разговоры ходили и так считалось, нежели имелись более «твердые доказательства» дискриминации на рабочем месте. При этом более детальное обсуждение этой темы часто приводило информанта к идее, что при найме или продвижении национальность де-факто учитывалась редко, и скорее речь шла о разных вариантах nepoтизма, — когда на работу берут родственников и других близких людей. Вместе с тем в описании таких ситуаций почти универсально используется именно национальная категоризация. Рабочие места и, в целом, организации — в части их верхушки — являются, кроме того, территорией вернакулярной консоциональности. Например, как минимум среди рядовых сотрудников больницы в Тарумовском районе считается, что главврачом больницы должен быть русский, а его заместителем — представитель другой национальности.

Подобное происходит и на других рабочих местах и, видимо, касается преимущественно государственных организаций. Организации, обслуживавшие население, кроме того, как минимум в советское время также рутинно учитывали национальность граждан и фиксировали ее письменно. Так, в случае упомянутой тарумовской больницы информация о национальности указывалась на обложке медицинской карты. Таким образом, реальность национальностей поддерживалась и в ходе рабочих интеракций.

В политике

Основным пространством консоциональности, однако, являлась и, видимо, до сих пор как минимум в некоторой степени является сфера политики на разных уровнях. Один из информантов буквально указал на то, что азербайджанцем он почувствовал себя в тот момент, когда его — тогда, в 1959 году, рабочего на заводе в Дербенте — пригласили в партийные органы для того, чтобы «закрыть» азербайджанскую квоту. В целом система работает следующим образом. Каждая территория характеризуется некоторым соотношением представителей разных национальностей, живущих на этой территории. Эта пропорция высчитывается на основании результатов переписи и другой статистики; однако, кроме того, она существует и в представлениях людей, будучи «сшитой» с представлением о том, что при справедливом распределении позиций национальности должны учитываться. Это распределение не обязательно является строго пропорциональным; по-разному оно может быть устроено в зависимости от фактических номинальных пропорций. Важно, однако, отметить, что дагестанцы именно под таким углом часто «смотрят» на политическое руководство на всех уровнях, тем самым — в отсутствии формальных институтов — воспроизводя консоциональность в неформальном ключе. Этому, по всей видимости, способствовал расцвет институциональной этничности в Дагестане в 90-х, отзвуки которого проявлялись не только в вернакулярной консоциональности, но и в деятельности национальных НКО, часто боровшихся друг с другом, но совместными усилиями укоренивших взгляд на различные явления через призму национальностей. Участники этих организаций ревностно следили и следят и за распределением властных позиций, и, например, за упоминанием национальностей в тех или иных контекстах. Так, активист кумыкской организации Тенглик в 1992 году активно обращал внимание общества на то, что в некотором учебнике среди тюркских народов не были упомянуты кумыки, и связывал это с «происками» министра образования, аварца. Эти организации существуют до сих пор, равно как воспроизводится и дискурс, который они произвели.

Этнизация и ее вариативность

Описанное выше — это общая модель, описание конструкции этничности, к которой в той или иной мере имеют касательство все люди, выросшие

и живущие в Дагестане. Все они сталкивались с реальным культурным разнообразием и — за счет тех или иных интеракций — получили доступ к «ключу» для его интерпретации через национальную рамку, наиболее подробно объясненную им в школе. Все они так или иначе — в качестве слушателей или говорящих — были и остаются вовлечены в разговоры, в которых воспроизводятся национальности. Однако то, насколько национальная рамка стала (или не стала) для них повседневным инструментом интерпретации реальности и фактором, влияющим на поведение, — в этом отношении дагестанцы будут существенным образом различаться. Пытаясь — в очень предварительном ключе — описать и объяснить существующую вариативность, можно выделить два случая, когда национальности стали и остаются важной рамкой интерпретации действительности, и два случая, когда это не так.

Первый информант родился на территории современной Чеченской Республики, куда в рамках каскадных депортаций было переселено сельское сообщество из Кайтагского района республики, а село исхода было расформировано. Детство, однако, он провел в равнинном поселке в Дербентском районе. Далее он служил и учился вне Дагестана, а затем работал в Махачкале и в своем поселке. Описания всех этапов жизни в его нарративе этнизированы, то есть большинству людей, о которых он рассказывает, приписывается национальность. Такая — нарративная — этнизация, впрочем, была распространена в поселке, где он рос: разные части поселка связывались с национальностями, и соседи — в разговорах и восприятии — были русскими, даргинцами и табасаранцами. Например, его мама в конце 1960-х, когда некоторая женщина принесла им чуду, сказала, что «чуду принесла та лезгинка». Информант уверен, что народы должны дружить между собой и «смотреть» на национальности не следует, однако также он уверен, что народы различаются культурой и характером.

Второй информант — уже упоминавшийся выше бывший активист кумыкской национальной организации Тенглик, занимавшейся прежде всего земельными проблемами, однако — во многом — понимавшей их в национальном ключе. Если эпизоды личной биографии (родился он в селе недалеко от Махачкалы в 1949 году), как он ее рассказывает, до 1990-х этнизированы лишь в небольшой степени, то после вступления в Тенглик его взгляд на мир существенным образом этнизируется, в его нарративах появляются «аварцы», которые захватывают «кумыкскую землю», он ревностно относится к публичным репрезентациям кумыков и даже из прошлого «выхватывает» эпизоды, которые поддерживают этнизированную картину мира. В частности, он рассказывает про однокурсника из села Анди, аварца по документам, который также считал, что аварцам не место на равнине, о чем — когда они в середине 1970-х вместе увидели группу аварцев — он и сказал информанту.

В третьем случае, однако, информантка — учительница из горного села, родившаяся в 1956 году, проучившаяся в юности несколько лет в ДГПУ и проработавшая затем всю жизнь в школе в своем селе, — так и не научилась узнавать

национальности по языку, а национальности для нее — это почти исключительно то, чему она когда-то училась в школе в 1960-х (например, русские для нее — это Гагарин и Терешкова), то, чему она учит учеников сейчас, а также воспоминания о жизни в Махачкале 50-летней давности, где ее лучшая подруга была даргинка (о чем информантка узнала так, как это описывается в разделе «в людях»), а комнату она снимала у еврейки. В повседневной жизни последних более чем 40 лет национальности почти не используются ею и людьми вокруг нее в качестве актуальной классификаторной рамки, и в ее «жизненном мире» они, по всей видимости, отсутствуют.

Четвертый случай — это молодой человек, который родился в 2001 году в Махачкале, студент исламского университета в Махачкале и спортсмен, участвующий в соревнованиях по смешанным единоборствам. Он также знает названия национальностей, и в его средах иногда национальности используются при представлении и знакомстве, однако национальности значительной части своих однокурсников он не знает, не считает это важным, не умеет различать языки и акценты в русском (возможно, не в последнюю очередь потому, что эти акценты за последние годы потеряли специфичность и в городах сформировали единый дагестанский акцент в русском). Более того, на вопрос, зачем он сам упоминает национальность при знакомстве, он отвечает, что это происходит скорее по инерции, потому что так принято, и никакой ценной информации национальность для него не несет. Важно, однако, что в университете, где он учится, вопреки ожиданиям «антинациональная агитация» не проводится; во всяком случае, его такое отношение к национальностям определяется не идеологической позицией. Случаи еще нескольких молодых жителей дагестанских городов также указывают на то, что как минимум в некоторых средах происходит «эрозия» национальной рамки как социального и когнитивного инструмента, но одновременно встречались и обратные случаи — когда молодежь использовала национальную рамку в том же ключе, что и более старшие люди. Интерпретации такого положения вещей последуют в соответствующем разделе. Здесь же важно сказать, что даже у тех информантов, которые приведены выше в качестве случаев максимальной этнизации окружающей действительности, национальности не являются тотальной рамкой, через которую интерпретируются все без исключения люди, ситуации, места и проч. — скорее речь идет о том, что они по разным причинам делают это чаще и в более широком наборе контекстов. Этот вопрос будет детальнее обсуждаться позже.

Вне Дагестана

Картина, однако, будет неполной, если не учитывать, что многие дагестанцы имеют в опыте разного рода поездки за пределы Дагестана, а также опыт жизни там, в результате чего они оказываются в контексте иных конструкций этничности, например тех, в которых они оказываются относящимися к различным собирательным категориям — таким как «кавказцы»

(также часто обозначаемые различными вернакулярными пейоративами) или «дагестанцы». Этот опыт есть у разных поколений дагестанцев — наиболее распространенный способ его приобретения — это служба в армии, где и сами дагестанцы редко представляются по национальности, и их сослуживцам обычно достаточно информации, что они — дагестанцы. При этом на пути в армию (например, в поезде, направляющемся за пределы республики) или в случае, если земляки-дагестанцы встречаются вне пределов республики, знакомство происходит согласно описанному выше ритуалу и включает информацию о национальной принадлежности. Кроме того, если среди старших поколений мало тех, кто вырос вне Дагестана, — с интенсификацией перемещений и миграций всех типов — появляются люди, которые провели детство в разных частях России и даже за ее пределами. Интересно, что, хотя и они считывались местным населением соответствующих локаций собирательно, нередко в семьях им транслировалась идея, что они являются представителями именно одной из дагестанских национальностей (а не дагестанцев в целом), и с этим могли быть сопряжены определенные правила поведения (например, в Ашхабаде в 1993 году отец говорил 13-летней информантке, что «лакские девушки вечером должны быть дома»). Кроме того, были случаи, когда дагестанцы уже во взрослом возрасте ездили «в Россию» зарабатывать и жить, и в таких случаях снова для «внешних» людей они были кавказцами или дагестанцами, но в ходе знакомства и взаимодействия между собой — проступала рамка дагестанских национальностей. Доступность иных категоризационных рамок усилилась и с повсеместным проникновением интернета, в результате чего дагестанцы — не выезжая из Дагестана — могли ознакомиться с этими рамками, проявляющимися в популярной культуре. Вероятно, доступность этой и иных категоризационных рамок также могла повлиять на безусловность категоризации по национальностям, однако этот вопрос будет обсуждаться в следующем разделе.

Дискуссия

Социальная и когнитивная релевантность национальностей

Насколько категоризация по национальностям является структурирующей для восприятия и взаимодействий в Дагестане? На этот вопрос сложно ответить на данных, которые были собраны и проанализированы в ходе исследования, поскольку гайд был посвящен этничности и, таким образом, стимулировал более этнизированные интерпретации событий, нежели существовали в прошлом или возникали сейчас, если бы интервьюеров эксплицитно не интересовала тема этничности. Тем не менее в качестве рефлексии над данными и их сбором это можно попробовать сделать. С одной стороны, действительно, национальности для меньшинства дагестанцев являются темой, которая их эксплицитно волнует. С другой стороны, для абсолютного большинства они являются фоновой, непроблематичной реальностью, которая

обычно не рефлексруется. В случае, если рефлексия происходит, — дагестанцы могут расходиться относительно того, насколько национальности описывают реальные различия, или это скорее «игры разума». В целом национальности — как и иные вернакулярные концепты — скорее существуют на периферии общественного сознания. Кроме того, как говорилось, дагестанцы различаются и в том, что касается когнитивной этнизации окружающей реальности. Есть те, для кого национальности накрепко «привязаны» к людям: для них национальности «вшиты» в интерпретацию мира, пусть даже содержание они не считают, что между людьми разных национальностей много различий, и не предпочитают одни национальности (включая свою) другим. Одновременно есть те, для кого это совершенно не так. По всей видимости, как минимум один из факторов, который влияет на это, — это подключенность к «машинерии производства национальностей», примером которой является любой вуз в Махачкале в период с 1970-х до начала 2000-х. Почему именно такой временной период, — об этом будет сказано чуть позднее. Не тотальна национальная рамка и в том, что касается структурирования социальной жизни. Например, национальности в основном не ограничивают круг людей, с которыми допустимо входить в рабочие и дружеские отношения (при том, что «межнациональные дружбы» могут когнитивно выделяться и обсуждаться в позитивном ключе). Зато, например, брачный рынок уже в значительно большей степени регулируется различными партикуляристскими категоризациями, в том числе национальностями. Кроме того, фоновое у дагестанцев присутствует понимание, что, хотя сами они «не националисты» (важная установка в Дагестане), разного рода фаворитизм, базирующийся на национальностях, и дискриминация могут проявляться в поведении других людей и в принципе присутствуют в качестве практики и установки в Дагестане. Иными словами, когнитивное и социальное бытование национальностей, взаимно сообщаясь, воспроизводят друг друга, из чего следует, что национальности в Дагестане как категоризационная рамка скорее живы, нежели мертвы. Но почему?

**Механизмы воспроизводства национальностей:
 индивидуальная полезность и инерция фона**

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос, — в качестве теоретического инструмента — было решено обратиться к современным версиям функционализма и, в частности, к подходу, известному как аналитическая социология или социология механизмов (Hedström, 2005; Elster, 2015; Hedström & Swedberg, 1996, 1998, p. 45). Этот — неофункционалистский — подход уходит от обязательной системности и одновременно телеологичности классического функционализма, а основная идея в его рамках состоит в том, что те или иные социальные явления воспроизводятся в случае, если оказываются — в самом широком смысле — полезны для участников связанных с ними взаимодействий. Именно воспроизводящаяся индивидуальная полезность в рамках

этого подхода и должна анализироваться. Так чем полезны национальности для дагестанцев? Ниже приводятся прагматики использования национальностей и описываются фоновые механизмы их воспроизводства, а эмпирическая база этих выводов расширяется за счет других исследовательских проектов, осуществленных автором, а также научной литературы по теме.

Итак, прежде всего национальности являются средством социальной аллокации, индикатором принадлежности к некоторому кластеру в сети отношений, и знание о национальности собеседника, однокурсника или коллеги по работе позволяет включить этот кластер в собственную сеть. Обычно здесь национальность идет рука об руку с информацией о районе и селе происхождения. Более того, нередко вслед за обменом информацией о национальности, районе и селе следует поиск общих знакомых, который — при том, что конкретной пользы здесь и сейчас это не принесет, — в перспективе может послужить разным целям: например, найти кого-то в этом селе или, наоборот, если собеседник — это потенциальный бизнес-партнер, оказать на него воздействие, если что-то пойдет не так. И национальность в этом смысле — это первичное и очень грубое указание на то, где человек родился и жил, а также на то, с кем он знаком и кто — в случае чего — за него вступится.

Во-вторых, однако, национальности — вне связи с районом или селом происхождения — являются инструментом улучшения индивидуальной позиции в равнинных, прежде всего городских, контекстах. Сам по себе факт принадлежности к одной национальности у студента и преподавателя, продавца и покупателя — может стать и основанием для воздействия с целью получения той или иной преференции — оценки или скидки, и информацией, на основании которой — без специального воздействия — преференция может быть дана.

В этой связи, но, скорее, в-третьих, можно говорить и о том, что национальности являются, если использовать терминологию классической социологии, инструментом поиска теплых *Gemeinschaft*-отношений в холодном, анонимизированном городском *Gesellschaft*-контексте, и это — помимо преференций — может быть выделено в отдельный механизм их воспроизводства.

Четвертый — более прагматичный и понятный — способ использования информации про национальности и одновременно прагматика категоризирования людей через эту призму связан с тем, что национальность является указанием на то, какие языки человек знает или не знает. Это, в свою очередь, позволяет, во-первых, снизить коммуникативный барьер в ситуации, когда собеседник той же национальности, начав с ним говорить на языке, более удобном обоим сторонам; во-вторых, организовать особый коммуникативный режим, в рамках которого — за счет общения на языке, известном одним, но неизвестном другим, — последние будут специально выключаться из коммуникации; в-третьих, наоборот, соблюсти распространенную в Дагестане норму общения только на русском языке в присутствии людей, которые

не знают язык, на котором иначе бы могла общаться часть присутствующих. Для всего этого необходимо знать, кто какие языки знает, и наиболее компактно это можно выяснить, задав вопрос о национальности.

Пятая «прагматика» национальностей — интерпретативная и прогностическая. Национальности, а точнее стереотипические характеристики, которыми они наделяются, в некотором смысле используются частью для объяснения поведения людей, частью — для его предсказания и предупреждения. Здесь следует отметить, что дагестанцы не ожидают, что представители национальностей будут обязательно и на 100 % соответствовать стереотипам о них; более того, они не будут принимать решение на основании этих стереотипов: при поиске бухгалтера они не будут автоматически отдавать приоритет даргинцу, а при поиске охранника — аварцу. Но одновременно, если поведение человека будет соответствовать его национальности, это может отмечаться и вербально, и когнитивно. Кроме того, тут могут действовать и когнитивные искажения: человек будет чаще обращать внимание на редкие случаи, когда стереотипы воспроизводятся, нежели на ситуации, когда этого не происходит. В результате национальности функционируют как своеобразная вернакулярная статистическая регрессионная модель небольшой, но отличной от нуля объяснительной силы. В рамках этой функции интерпретируется не только поведение, но и различия в материальной и обрядовой культуре; и в этом случае, вновь, национальности становятся способом говорить об этих различиях, и тут же признается, что различия на самом деле структурированы иначе: и свадебные ритуалы одной национальности все разные, и, наоборот, бывает так, что у разных народов они оказываются похожи.

На стереотипах строится и другая, шестая, «прагматика», которую можно обозначить как интеграционную. Как говорилось, почти повсеместно дагестанцы подшучивают друг над другом на основании этнических стереотипов. При том, что сами по себе шутки довольно грубые, это оказывается допустимым, во-первых, если участники коммуникации связаны друг с другом дружескими, приятельскими или коллегиальными отношениями, во-вторых, если подшучивающий не преследует цели обидеть, в-третьих же потому, что в целом эти стереотипы, как говорилось выше, имеют мало общего с реальностью. При этом — в той мере, в какой шуточные отношения частью указывают на близость, частью эту близость создают, — национальности оказываются, кроме того, инструментом выстраивания и поддержания близости между номинальными представителями разных национальностей и теоретически могут работать, если использовать более классические версии функционализма, на системную интеграцию.

Есть, однако, и седьмая полезность, в большей степени эмоционально-символического характера. Она состоит в том, что национальности в коллективных представлениях (и в особенности в представлениях тех, кто к соответствующим национальностям относится) обладают мощным позитивным символическим ореолом, и — в логике теории социальной идентичности —

идентификация и ассоциирование себя со своей номинальной национальностью позволяет приобщиться и к соответствующему символическому ряду. Более того, в той мере, в какой такие ряды чем дальше, тем больше оказываются связаны с образами прошлого, национальности являются своего рода «окном» в традиции и традиционность, ценимую в современности.

Важно, однако, что помимо такого рода индивидуальных полезностей или «прагматик» присутствует три механизма контекстуального воспроизводства национальностей — символический, административный и коммуникационный. Рисунки в учебниках, экспозиции в музеях, панно на административных зданиях и прочая визуальная информация фоновно сообщает дагестанцам конструкцию этничности. Национальности указываются в документах, фигурируют в качестве вопроса в переписи, и информация, организованная по национальностям, публикуется в статистических справочниках и — оттуда — расходится по иным носителям (например, оказывается на страницах локации в Wikipedia в разделе «Население»). Национальности, кроме того, вписаны в коммуникативную ткань Дагестана: как говорилось, они являются элементом базового набора знаний о человеке, и информация о национальной принадлежности узнается и фиксируется в рамках ритуала знакомства. Кроме этого, на воспроизводство национальностей работает социальная инерция в целом: через национальности объясняли мир, подшучивали над другими, искали преференции и проч. старшие, а значит, этим инструментом можно продолжать пользоваться.

Эрозия национальностей в городских молодежных средах

Как меняется ситуация со временем? При том, что описанное и в «результатах», и в «дискуссии» характеризует в той или иной степени весь изученный период вплоть до настоящего времени, и национальности в целом успешно воспроизводятся как социальная и когнитивная рамка, можно говорить о том, что появляются отдельные социальные контексты и среды, в которых национальности теряют полезность и где постепенно происходит их эрозия. В исследовании этот эффект был зафиксирован и проанализирован применительно к городским молодежным кругам. Так, если еще несколько десятилетий назад большинство жителей дагестанских городов были горожанами в первом-втором поколении и имели крепкие связи в селах и районах, нынешние молодые горожане, даже если регулярно бывали в детстве в селах, откуда происходили их родители, уже не имеют таких крепких связей с селами, и их довольно бессмысленно ментально записывать в соответствующую сеть связей, которая аппроксимируется национальностью. То же с языком: родившиеся в городах, если и знают язык «своей национальности», знают его не на уровне свободного владения и уж точно предпочитают русский язык, отчего перейти на национальный язык с тем же эффектом, как это делалось в старших поколениях, оказывается невозможно. Кроме того, национальность перестает

быть «якорем» для установления близких отношений в анонимизированном городе: родившиеся в нем зачастую имеют «комплект» кругов общения — школа, двор, спорт, мечеть, работа — и поиск дополнительных оснований для близости оказывается им просто не нужен. В городах меняется и ситуация с реальным поведенческим и ритуальным разнообразием: и в смысле языка, и в смысле фактического поведения, и в смысле свадебной ритуальности в городах происходит смешение и складывание новых культурных паттернов. Эти паттерны и различия между ними, с одной стороны, не имеют устоявшейся интерпретации через национальную рамку, с другой — возможно — объективно «схватываются» ею хуже. Кроме того, происходит и «метисизация» населения в городах, когда у все большего числа людей родители относятся к разным национальностям, и — в некоторой степени — проникновение современных версий ислама, которые эксплицитно противостоят делению людей по национальностям. В результате в некоторых молодежных кругах национальности постепенно перестают использоваться в качестве коммуникативной и интерпретативной рамки, и некоторые информанты непосредственно указывали на то, что национальности «отжили свое» и используются по инерции. Динамика, кроме того, происходит и в общереспубликанском политическом контексте, в котором происходят институциональные изменения, и, если еще в начале 2000-х существовал консоциальный орган Государственный совет, в который избирались представители «от национальностей», уже больше 20 лет этого органа не существует. Это, впрочем, не отменяет того, что, во-первых, национальности, если взять республику в целом, как уже говорилось, «скорее живы, чем мертвы», во-вторых, в некоторых контекстах они могут работать иным образом и воспроизводиться исходя из локальной логики и прагматики. Скажем, в ситуациях длящихся локальных конфликтов, в которые вовлечены две национальности, — на кутанных территориях или в селах, куда вернулись депортированные жители, — национальности продолжают быть важны по разным причинам в перспективе конфликта. Какие существуют вариации прагматик национальностей и как именно меняется роль национальностей в разных средах, — вопрос будущих исследований.

Теория этнической динамики?

Приведенные выше материал и его анализ, однако, оказываются полезны и с общетеоретической точки зрения и позволяют взглянуть иначе на проблему этнической динамики. Одной из «визитных карточек» конструктивизма в исследованиях этничности является указание на ее «текучесть» и «изменчивость». Но что именно меняется, как именно это происходит и почему? Хотя можно указать ряд важных в этом контексте теоретических работ¹, цельного ответа на этот вопрос в исследованиях этничности

1 Важнейшая такая работа — это многоуровневая процессуальная модель А. Виммера, которая, однако, ограничивается социологическим инструментарием, оттого ее объяснительная мощность ниже, чем

не существует. Созданное выше описание и методология, на основании которой оно сделано, позволяют создать черновик модели этнической динамики. В других работах (Варшавер, 2024a, 2024b) автором предложена статичная, дескриптивная модель, отвечающая на вопрос — о чем именно идет речь, когда речь идет об этничности. Общий ответ на этот вопрос — речь идет о конструкции этничности, коллективном представлении, организованном вокруг категорий, но одновременно включающем разнообразие атрибутов, связанных с этими категориями, а также общие представления о «природе» и функционировании этнических категорий. Разные элементы конструкции этничности, кроме того, по-разному функционируют в различных общественных контекстах, будучи в разной степени регулятивными и релевантными для них: как говорилось выше, дружбы национальности не регулируют, а браки — регулируют; в высокогорном селе через них почти не смотрят на других людей, а в городе на равнине — это один из важнейших когнитивных операторов восприятия и взаимодействия и т.д. Этническая динамика в этой связи — это, во-первых, изменение элементов конструкции этничности, во-вторых же — изменение набора контекстов, в которых те или иные элементы конструкции этничности являются основанием для социального или когнитивного категоризирования. И в дагестанском случае — если ориентироваться на приведенную схему — можно говорить об определенной эрозии национальностей в части их политической, административной и повседневной релевантности, однако сами категории продолжают существовать. Связано это с тем, что они, переставая быть полезны в одном смысле (например, все хуже предсказывают поведение), продолжают быть полезны в другом (например, как способ почувствовать себя причастным к атрибутам категории и, в целом, к истории). Как именно это устроено применительно к разным контекстам и как может выглядеть полноценная, нечерновая модель этнического изменения и его детерминант, созданная на стыке социологии, когнитивистики и истории, — ответ на эти вопросы будет дан в последующих работах.

Выводы и ограничения

В целом, как уже говорилось, национальности продолжают использоваться в Дагестане как социальный и когнитивный дифференцирующий инструмент. Связано это частью с тем, что сохраняются соответствующие когнитивные и социальные прагматики их использования в этом качестве, частью с инерцией. Этот вывод — касается республики в целом, и методология исследования была заточена именно под возможность такого обобщения. Вместе с тем для полноты картины требуется более детальный анализ локаций по типам. Скажем, представляется, что ситуации совместного проживания представителей двух национальностей дают отдельный паттерн использования национальностей как инструмента соци-

---

могла бы быть (Wimmer, 2008).

альной и когнитивной организации. Кроме того, хотя приведенное описание релевантно для всего исследованного периода, во-первых, вероятно, что, помимо современной «эрозии», можно выделить и другие этапы их существования. Например, не могло не изменить ситуацию по сравнению с предыдущим периодом возникновение национальных организаций и внедрение институтов консоциональности в первое постсоветское десятилетие. Кроме того, на основании свидетельств, относящихся к 60-м годам, можно аккуратно говорить о том, что в этот период описанная в разделе «результаты» машинерия воспроизводства национальностей — вместе с советскими маршрутами пространственной и социальной мобильности — только начала складываться. Однако как для первого, так и для второго вывода требуются и большой массив данных, и иные инструменты их сбора. Это же касается и отдельных сфер, в которых национальности играют роль, в частности политической. Не является исчерпывающим и список из семи индивидуальных «прагматик» национальностей; более того, некоторые «прагматики» могут в полной мере проявляться лишь в отдельных контекстах. Скажем, известная по другим исследованиям «закрывающая» (Social Closure) функция этнических категорий в Дагестане скорее не проявляется в целом, но может проявляться в отдельных контекстах, в которых различия в благосостоянии накладываются на этнокатегориальные различия. Более того, есть и ограничение самих данных: могут ли воспоминания служить действительным свидетельством того, кто что сказал или подумал 60 лет назад, — этот и подобные вопросы широко обсуждаются в рамках методологии устной истории (Hoffman, 1974; Portelli, 2002; Ritchie, 2014). Такие данные — для того, чтобы выводы были валидными, — должны быть дополнены другими данными, желательно количественными, и в этом отношении перспективным является использование методов анализа естественного языка. Вместе с тем, однако, исследование было задумано не только как способ интерпретации прошлого и настоящего Дагестана, но и как возможный образец постановки вопроса и организации эмпирического исследования на стыке социологии, когнитивистики и истории в рамках когнитивного поворота в исследованиях этничности. И как содержательные, так и теоретико-методологические задачи, как минимум на базовом уровне, как представляется, были решены.

Благодарности

За участие в сборе данных автор благодарит участников экспедиции А. Александрову, А. Алиеву, И. Болгову, А. Засядько, А. Иващенко, А. Илецкую, А. Корсакова, Р. Хамазаева и Е. Шкурко, организаторов экспедиции Н. Иванову и Т. Егорову, а также участвовавшую в пилотном этапе А. Орлову.

За помощь в организации сбора данных автор благодарит министра образования и науки РД Я. Г. Бучаева, министра по национальной политике

и делам религий РД Э. С. Муслимова, а также работников государственных организаций на местах.

Финансирование

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Список литературы

- Brubaker, R., Feischmidt, M., Fox, J., & Grancea, L. (2006). *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9780691187792>
- Brubaker, R., Loveman, M., & Stamatov, P. (2004). Ethnicity as cognition. *Theory and Society*, 33(1), 31-64. <https://doi.org/10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63>
- DiMaggio, P. (1997). Culture and Cognition. *Annual Review of Sociology*, 23(1), 263-287. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.263>
- Elster, J. (2015). *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences* (2nd ed.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107763111>
- Grieshaber, S., & Cannella, G. S. (Eds.). (2001). *Embracing Identities in Early Childhood Education: Diversity and Possibilities*. Teachers College Press.
- Hall, S. G. F. (2015). *Dagestan's Consociational Model?: The Potential for Regional Consociationalism in Russia*. European Centre for Minority Issues (ECMI).
- Hedström, P. (2005). *Dissecting the Social: On the Principles of Analytical Sociology* (1st ed.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488801>
- Hedström, P., & Swedberg, R. (1996). Social Mechanisms. *Acta Sociologica*, 39(3), 281-308. <https://doi.org/10.1177/000169939603900302>
- Hedström, P., & Swedberg, R. (Eds.). (1998). *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory* (1st ed.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511663901>
- Hoffman, A. M. (1974). Reliability and validity in oral history. *Today's Speech*, 22(1), 23-27. <https://doi.org/10.1080/01463377409369125>
- Moscovici, S. (1982). The Coming Era of Representations. In J.-P. Codol & J.-P. Leyens (Eds.), *Cognitive Analysis of Social Behavior* (pp. 115-150). Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-009-7612-2_4
- Moscovici, S. (1988). Notes towards a description of Social Representations. *European Journal of Social Psychology*, 18(3), 211-250. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420180303>
- Perks, R., & Thomson, A. (Eds.). (2002). *The Oral History Reader* (0 ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203435960>
- Peterson, G. (2006). Cultural Theory and Emotions. In J. E. Stets & J. H. Turner (Eds.), *Handbook of the Sociology of Emotions* (pp. 114-134). Springer US. https://doi.org/10.1007/978-0-387-30715-2_6
- Ritchie, D. A. (2014). *Doing Oral History*. Oxford University Press.

- Swidler, A. (1986). Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*, 51(2), 273. <https://doi.org/10.2307/2095521>
- Umaña-Taylor, A. J., Quintana, S. M., Lee, R. M., Cross, W. E., Rivas-Drake, D., Schwartz, S. J., Syed, M., Yip, T., Seaton, E., & Ethnic and Racial Identity in the 21st Century Study Group. (2014). Ethnic and Racial Identity During Adolescence and Into Young Adulthood: An Integrated Conceptualization. *Child Development*, 85(1), 21–39. <https://doi.org/10.1111/cdev.12196>
- Van Dijk, T. A. (1990). Social Cognition and Discourse. In *Handbook of Language and Social Psychology* (pp. 163–183). Wiley and Sons.
- Van Dijk, T. A. (2017). Socio-Cognitive Discourse Studies. In J. Flowerdew & J. E. Richardson (Eds.), *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* (1st ed., pp. 26–43). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315739342>
- Van Dijk, T. A. (2018). Discourse and Migration. In R. Zapata-Barrero & E. Yalaz (Eds.), *Qualitative Research in European Migration Studies* (pp. 227–245). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13
- Van Dijk, T. A. (2019). Ideologies, Racism, Discourse: Debates on Immigration and Ethnic Issues. In J. Ter Wal & M. Verkuyten (Eds.), *Comparative Perspectives on Racism* (1st ed., pp. 91–115). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315196374>
- Ware, R. B., & Kisriev, E. (2001). Ethnic Parity and Democratic Pluralism in Dagestan: A Consociational Approach. *Europe-Asia Studies*, 53(1), 105–131. <https://doi.org/10.1080/09668130124419>
- Wimmer, A. (2008). The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. *American Journal of Sociology*, 113(4), 970–1022. <https://doi.org/10.1086/522803>
- Zerubavel, E. (1999). *Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology*. Harvard University Press.
- Абакаров, Р. И. (2013). Межэтнические отношения в Республике Дагестан (по материалам социологических исследований 2013 года). *Вестник Дагестанского научного центра РАН*, 51, 135–138.
- Адиев, А. З. (2011). Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. СКНЦ ВШ ЮФУ.
- Адиев, А. З., & Курбанов, Р. Ш. (2016). Распределение властных позиций в Дагестане: Исследование политического представительства этнических групп в региональной власти. *Социум И власть*, 4, 68–74.
- Белый, В. А. (2016). Советская национальная политика на Северном Кавказе: Депортации как детерминанты этнических конфликтов современности. *Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков*, 2, 9–16.
- Буттаева, А. М. (2012). Межэтнические отношения в Дагестане: Специфика и текущие проблемы. *Центральная Азия и Кавказ*, 15(2), 72–83.
- Варшавер, Е. А. (2014). Тарки-Караман: Механизм одного земельного конфликта в Дагестане. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5, 33–150. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.5.08>
- Варшавер, Е. А. (2022). В ловушке двойной иррелевантности: (Вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4, 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>
- Варшавер, Е. А. (2024а). Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного

- поворота. *Социологическое обозрение*, 23(3), 94–126. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126>
- Варшавер, Е. А. (2024b). *Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота: Статья, дискуссия, ответ автора дискуссантам*. Группа исследований миграции и этничности.
- Варшавер, Е. А., Гупалова, Ю. В., & Орлова, А. А. (2024). *В Москве на самом деле проживает две национальности – славяне и южане? Отчет по результатам исследования вернакулярных категоризаций с применением элицитационных методов*. Группа исследований миграции и этничности.
- Варшавер, Е. А., Иванова, Н. С., Гупалова, Ю. В., & Кузнецова, С. В. (2024). *Какую роль играют национальности в регуляции брачного поведения в Дагестане?* *Журнал Фронтирных Исследований*, 9(2), 98–133. <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i2.566>
- Варшавер, Е. А., Иванова, Н. С., & Егорова, Т. Д. (2024). *Воображая российскую нацию: Кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью?* *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(2), 306–324. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324>
- Варшавер, Е. А., Орлова, А. А., & Шульга, А. Е. (2023). *Документарный конструктивизм как особая форма конструктивистской народной социологии: Свидетельства из Дагестана*. *Этнографическое обозрение*, 6, 156–177. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060106>
- Варшавер, Е. А., Хабибуллин, А. М., Самосудова, А. Д., & Шульц, А.-В. Е. (2024). *«По отцу» или «по обоим родителям»? Вариации десцентного классификаторного правила, регулирующего членство в этнических категориях в современном Дагестане*. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, 176–201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2472>
- Гаджиев, М. М. (2008). *Национальная политика в Дагестане: Опыт 90-х гг. XX века*. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 2, 63–67.
- Гаджиева, С. Ш. (1985). *Семья и брак у народов Дагестана в XIX - начале XX в.* Наука.
- Гасанов, Н. Н., & Абдуразакова, С. М. (2018). *Национально-смешанные браки в Дагестане*. *Социально-гуманитарные знания*, 5, 85–97.
- Добрушина, Н. Р. (2007). *Многоязычие в Дагестане, или зачем человеку три языка*. *Социологический журнал*, 1, 103–127.
- Добрушина, Н. Р. (2011). *Многоязычие в Дагестане конца XIX - начала XXI века: Попытка количественной оценки*. *Вопросы языкознания*, 4, 61–80.
- Казенин, К. И. (2012). *Элементы Кавказа: Земля, власть и идеология в северокавказских республиках*. Новое литературное обозрение.
- Каймаразова, Л. Г., & Каймаразов, Г. Ш. (2018). *К вопросу об установлении Советской власти в Дагестане и образовании Дагестанской АССР*. *История, археология и этнография Кавказа*, 14(4), 63–77. <https://doi.org/10.32653/CH14463-77>
- Карпов, Ю. Ю. (2017). *Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в: Эволюция проблем и решений*. *Петербургское востоковедение*.
- Карпов, Ю. Ю., & Капустина, Е. Л. (2011). *Горцы после гор: Миграционные процессы в Дагестане в XX - начале XXI века, их социальные и этнокультурные последствия и перспективы*. *Петербургское востоковедение*.

- Куракин, Д. (2023). Катеكتические механизмы культуры. Часть 1. Социологическое обозрение, 22(3), 9–52. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-9-52>
- Ланда, К. Г. (2016). Место и роль государственного совета в формировании властной системы Республики Дагестан. *Власть*, 24(1), 63–67.
- Рамазанова, Д. Ш. (2016). О политическом конструировании советских национальностей и народностей Дагестана (по материалам архивных исследований). *Этнографическое обозрение*, 5, 150–166.
- Рамазанова, Д. Ш. (2021). Принцип консоциальности в политической жизни республики Дагестан в 1994–2006 годы. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 13(6), 17–40. <https://doi.org/10.17748/2219-6048-2021-13-6-17-40>
- Расулова, А. (2024). Что посмотреть в Дагестане туристу самостоятельно: 12 лучших достопримечательностей. Это Кавказ. <https://etokavkaz.ru/turizm/dagestan-12-glavnykh-dostoprimechatelnoستي>
- Республика Дагестан. (б. д.). Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. <http://council.gov.ru/structure/regions/DA/>
- Тишков, В. А., & Кисриев, Э. Ф. (2007). Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана). *Этнографическое обозрение*, 5, 96–115.
- Шахбанова, М. М. (2013). Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях. *Социологические исследования*, 10, 88–97.
- Шахбанова, М. М. (2016). Российская идентичность и специфика межэтнического взаимодействия дагестанских народов. *Вестник Института истории, археологии и этнографии*, 1, 130–139.
- Шахбанова, М. М. (2017). Межнациональные отношения в Республике Дагестан: Состояние и тенденции. *Вестник Института истории, археологии и этнографии*, 3, 152–163.

References

- Abakarov, R. I. (2013). Interethnic relations in the Republic of Dagestan (based on sociological research materials from 2013). *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 51, 135–138. (In Russian).
- Adiev, A. Z. (2011). *The land question and ethno-political conflicts in Dagestan*. North Caucasus Scientific Center of Higher School of the Southern Federal University. (In Russian).
- Adiev, A. Z., & Kurbanov, R. Sh. (2016). Distribution of power positions in Dagestan: A study of the political representation of ethnic groups in regional government. *Society and Power*, 4, 68–74. (In Russian).
- Belyi, V. A. (2016). Soviet nationalities policy in the North Caucasus: Deportations as determinants of contemporary ethnic conflicts. *State, Society, and the Church in the History of Russia in the 20th–21st Centuries*, 2, 9–16. (In Russian).
- Brubaker, R., Feischmidt, M., Fox, J., & Grancea, L. (2006). *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9780691187792>
- Brubaker, R., Loveman, M., & Stamatov, P. (2004). Ethnicity as cognition. *Theory and Society*, 33(1), 31–64. <https://doi.org/10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63>

- Buttaeva, A. M. (2012). Interethnic relations in Dagestan: Specifics and current problems. *Central Asia and the Caucasus*, 15(2), 72–83. (In Russian).
- DiMaggio, P. (1997). Culture and Cognition. *Annual Review of Sociology*, 23(1), 263–287.
<https://doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.263>
- Dobrushina, N. R. (2007). Multilingualism in Dagestan, or why a person needs three languages. *Sociological Journal*, 1, 103–127. (In Russian).
- Dobrushina, N. R. (2011). Multilingualism in Dagestan from the late 19th to the early 21st centuries: An attempt at quantitative assessment. *Questions of Linguistics*, 4, 61–80. (In Russian).
- Elster, J. (2015). *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences* (2nd ed.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107763111>
- Gadzhiev, M. M. (2008). National policy in Dagestan: The experience of the 1990s. *Proceedings of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences*, 2, 63–67. (In Russian).
- Gadzhieva, S. Sh. (1985). *Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th–early 20th centuries*. Nauka. (In Russian).
- Gasanov, N. N., & Abdurazakova, S. M. (2018). Nationally mixed marriages in Dagestan. *Social and Humanitarian Knowledge*, 5, 85–97. (In Russian).
- Grieshaber, S., & Cannella, G. S. (Eds.). (2001). *Embracing Identities in Early Childhood Education: Diversity and Possibilities*. Teachers College Press.
- Hall, S. G. F. (2015). *Dagestan's Consociational Model?: The Potential for Regional Consociationalism in Russia*. European Centre for Minority Issues (ECMI).
- Hedström, P. (2005). *Dissecting the Social: On the Principles of Analytical Sociology* (1st ed.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488801>
- Hedström, P., & Swedberg, R. (1996). Social Mechanisms. *Acta Sociologica*, 39(3), 281–308.
<https://doi.org/10.1177/000169939603900302>
- Hedström, P., & Swedberg, R. (Eds.). (1998). *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory* (1st ed.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511663901>
- Hoffman, A. M. (1974). Reliability and validity in oral history. *Today's Speech*, 22(1), 23–27.
<https://doi.org/10.1080/01463377409369125>
- Kaimarazova, L. G., & Kaimarazov, G. Sh. (2018). On the establishment of Soviet power in Dagestan and the formation of the Dagestan ASSR. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*, 14(4), 63–77. <https://doi.org/10.32653/CH14463-77> (In Russian).
- Karpov, Yu. Yu. (2017). Nationalities policy of the Soviet state on the North Caucasus periphery in the 1920s–1930s: Evolution of problems and solutions. *Peterburgskoe vostokovedenie*. (In Russian).
- Karpov, Yu. Yu., & Kapustina, E. L. (2011). *Highlanders after the mountains: Migration processes in Dagestan in the 20th–early 21st century, their social and ethnocultural consequences and prospects*. Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).
- Kazenin, K. I. (2012). *Elements of the Caucasus: Land, power, and ideology in the North Caucasus republics*. New Literary Observer. (In Russian).
- Kurakin, D. (2023). Cathetic mechanisms of culture. Part 1. *Russian Sociological Review*, 22(3), 9–52.
<https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-9-52> (In Russian).

- Landa, K. G. (2016). The place and role of the State Council in the formation of the power system of the Republic of Dagestan. *Power*, 24(1), 63–67. (In Russian).
- Moscovici, S. (1982). The Coming Era of Representations. In J.-P. Codol & J.-P. Leyens (Eds.), *Cognitive Analysis of Social Behavior* (pp. 115–150). Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-009-7612-2_4
- Moscovici, S. (1988). Notes towards a description of Social Representations. *European Journal of Social Psychology*, 18(3), 211–250. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420180303>
- Perks, R., & Thomson, A. (Eds.). (2002). *The Oral History Reader* (0 ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203435960>
- Peterson, G. (2006). Cultural Theory and Emotions. In J. E. Stets & J. H. Turner (Eds.), *Handbook of the Sociology of Emotions* (pp. 114–134). Springer US. https://doi.org/10.1007/978-0-387-30715-2_6
- Ramazanova, D. Sh. (2016). On the political construction of Soviet nationalities and peoples of Dagestan (based on archival research materials). *Ethnographic Review*, 5, 150–166. (In Russian).
- Ramazanova, D. Sh. (2021). The principle of consociationalism in the political life of the Republic of Dagestan in 1994–2006. *Historical and Socio-Educational Thought*, 13(6), 17–40. <https://doi.org/10.17748/2219-6048-2021-13-6-17-40> (In Russian).
- Rasulova, A. (2024). What to see in Dagestan when traveling independently: 12 best attractions. *Eto Kavkaz*. <https://etokavkaz.ru/turizm/dagestan-12-glavnykh-dostoprimechatelnosti> (In Russian).
- Republic of Dagestan. (n.d.). *Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*. <http://council.gov.ru/structure/regions/DA/> (In Russian).
- Ritchie, D. A. (2014). *Doing Oral History*. Oxford University Press.
- Shakhbanova, M. M. (2013). Ethnic identity of the small-numbered peoples of Dagestan under contemporary conditions. *Sociological Studies*, 10, 88–97. (In Russian).
- Shakhbanova, M. M. (2016). Russian identity and the specifics of interethnic interaction among the peoples of Dagestan. *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*, 1, 130–139. (In Russian).
- Shakhbanova, M. M. (2017). Interethnic relations in the Republic of Dagestan: State and trends. *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*, 3, 152–163. (In Russian).
- Swidler, A. (1986). Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*, 51(2), 273. <https://doi.org/10.2307/2095521>
- Tishkov, V. A., & Kisriev, E. F. (2007). Multiple identities between theory and politics (the case of Dagestan). *Ethnographic Review*, 5, 96–115. (In Russian).
- Umaña-Taylor, A. J., Quintana, S. M., Lee, R. M., Cross, W. E., Rivas-Drake, D., Schwartz, S. J., Syed, M., Yip, T., Seaton, E., & Ethnic and Racial Identity in the 21st Century Study Group. (2014). Ethnic and Racial Identity During Adolescence and Into Young Adulthood: An Integrated Conceptualization. *Child Development*, 85(1), 21–39. <https://doi.org/10.1111/cdev.12196>
- Van Dijk, T. A. (1990). Social Cognition and Discourse. In *Handbook of Language and Social Psychology* (pp. 163–183). Wiley and Sons.

- Van Dijk, T. A. (2017). Socio-Cognitive Discourse Studies. In J. Flowerdew & J. E. Richardson (Eds.), *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* (1st ed., pp. 26–43). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315739342>
- Van Dijk, T. A. (2018). Discourse and Migration. In R. Zapata-Barrero & E. Yalaz (Eds.), *Qualitative Research in European Migration Studies* (pp. 227–245). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13
- Van Dijk, T. A. (2019). Ideologies, Racism, Discourse: Debates on Immigration and Ethnic Issues. In J. Ter Wal & M. Verkuyten (Eds.), *Comparative Perspectives on Racism* (1st ed., pp. 91–115). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315196374>
- Varshaver, E. A. (2014). Tarki-Karaman: The mechanism of a land conflict in Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, 33–150. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.5.08> (In Russian).
- Varshaver, E. A. (2022). In the trap of double irrelevance: The (re)production of ethnicity in interactions between enumerators and respondents during the 2021 All-Russian Census in Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150> (In Russian).
- Varshaver, E. A. (2024a). What exactly is studied when ethnicity is studied? A descriptive model for constructivist studies of ethnicity in the context of the cognitive turn. *Russian Sociological Review*, 23(3), 94–126. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126> (In Russian).
- Varshaver, E. A. (2024b). What exactly is studied when ethnicity is studied? A descriptive model for constructivist studies of ethnicity in the context of the cognitive turn: Article, discussion, and the author's reply to discussants. *Migration and Ethnicity Research Group*. (In Russian).
- Varshaver, E. A., Gupalova, Yu. V., & Orlova, A. A. (2024). Are there really two “nationalities” living in Moscow—Slavs and “southerners”? Report on the results of a study of vernacular categorizations using elicitation methods. *Migration and Ethnicity Research Group*. (In Russian).
- Varshaver, E. A., Ivanova, N. S., & Egorova, T. D. (2024). Imagining the Russian nation: Who, from the perspective of Russia's residents, is part of Russian society, and can one become part of it? *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 26(2), 306–324. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324> (In Russian).
- Varshaver, E. A., Ivanova, N. S., Gupalova, Yu. V., & Kuznetsova, S. V. (2024). What role do nationalities play in regulating marital behavior in Dagestan? *Journal of Frontier Studies*, 9(2), 98–133. <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i2.566> (In Russian).
- Varshaver, E. A., Khabibullin, A. M., Samosudova, A. D., & Shults, A.-V. E. (2024). “By the father” or “by both parents”? Variations of the descent classificatory rule regulating membership in ethnic categories in contemporary Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 176–201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2472> (In Russian).
- Varshaver, E. A., Orlova, A. A., & Shulga, A. E. (2023). Documentary constructivism as a special form of constructivist folk sociology: Evidence from Dagestan. *Ethnographic Review*, 6, 156–177. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060106> (In Russian).
- Ware, R. B., & Kisriev, E. (2001). Ethnic Parity and Democratic Pluralism in Dagestan: A Consociational Approach. *Europe-Asia Studies*, 53(1), 105–131. <https://doi.org/10.1080/09668130124419>
- Wimmer, A. (2008). The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. *American Journal of Sociology*, 113(4), 970–1022. <https://doi.org/10.1086/522803>
- Zerubavel, E. (1999). *Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology*. Harvard University Press.